Ральчук А.Н.

«БЕЛЫЕ» И «ЧЕРНЫЕ ЛЕБЕДИ» ЭКОНОМИКИ

НЕОБХОДИМАЯ ИНТРОДУКЦИЯ

Через десятилетие после окончания Великой Депрессии 1929 – 1933 гг. Дж.М. Кейнс – главный идеолог её преодоления и теоретик, во многом предопределивший лицо нынешней экономики, – выразил крайне неординарную для его профессии мысль: «Уже не за горами день, когда экономические проблемы займут скромное место, которое по праву им принадлежит, а арена ума и сердца будет занята (или вновь занята) нашими реальными проблемами – жизни и человеческих отношений, созидания, поступков и веры». Теперь, в эпоху парадного шествия *рыночного фундаментализма*, уже невозможно установить подлинный смысл сказанного. То ли это означало, что заканчивается экономический «аврал», отвлекавший перед тем все силы и внимание человечества, и оно попросту вернется к своему прежнему нормальному состоянию. Или глубже: в высказанной Кейнсом мысли – и в это хотелось бы верить – то, что после мирового кризиса экономика будет радикально переосмыслена по своему месту в жизни социума и ей отведется «лишь» роль *инструментария* для выполнения собственно *человеческой миссии* («быть в истине бытия», по М. Хайдеггеру).

Причем для второго варианта, если с позиций научных знаний сегодняшнего дня провести его герменевтическую реконструкцию, интенции радикализма «переоценки» экономики не могли бы ограничиться её пониманием как необходимого для человечества, непрерывно функционирующего инструментария/хозяйствования. Здесь вставал бы вопрос и о некой метасистеме, включающей в себя экономику как её систему. Функционально-онтологически экономика как система должна была бы сопрягаться с чем-то «иным», бо́льшим, определяющим её собственное онтологическое пространство. Такое «иное» можно представить, если обратиться к *фундаментальной онтологии* Хайдеггера [30], которая состоит из триады уровней: *онтического* (простое присутствие вещей/сущего), *философского*, или *метафизического* (где уже действует бытие, понимаемое как обобщающее свойство вещей «присутствовать») и *фундаментально-онтологического* (где бытие – трансцендентная способность порождать всё сущее).

Рассмотрение экономики через призму фундаментальной онтологии, ввиду концептуальной подобности поднимаемых проблем, приводит к следующим содержательным параллелям. Во-первых, экономика, подобно философии/метафизике, будет занимать в метасистеме средний уровень. Во-вторых, сверху она должна ограничиваться «иным» уровнем трансцендентного, определяющего смыслы экономической деятельности, а снизу – «иным» уровнем вещей/сущего, контролирующего её деятельностные возможности. В-третьих, экономика, взятая сама по себе, подобно философии в фундаментальной онтологии, без её верхнего и нижнего уровней становится «метафизической» в дурном смысле этого слова. В философии, по Хайдеггеру, когда философское знание определяется само из себя, из своего среднего уровня, без «подпитки» верхним и нижним уровнями, такая ситуация действует как реализация её *первого начала* (вместо необходимого *другого начала*) [31, с. 267–268]. Это, в конечном итоге, непосредственно ведет к стагнации философии (выражаясь, в частности, в её постмодернизме), а опосредствованно – к кризису всей цивилизации, что как социум, так и «высокую науку», не очень-то и беспокоит [23].

Если снова акцентировать внимание на экономике, причем именно на *теоретической экономии* как своего рода «фундаментальной онтологии» экономики (опять-таки как науки, что должно определять корректное поведение обусловливаемой ею экономики «практической» – хозяйствования), то в ней – онтологически – следует выделить три уровня[1]. Первый – сопрягается с трансцендентными смыслами экономической деятельности в контексте миссии человека в мире. Второй уровень будет, собственно, экономической «метафизикой» – экономикой, взятой самой по себе и для себя самой. Или, другими словами, экономической теорией – как она обычно начинается и заканчивается. Третий должен соответствовать тем реальным вещам/сущим, наличие, свойства и организация которых только и обеспечивает возможности и характер нормального функционирования экономики[2].

Это – достаточные условия триадичности «архитектонического бытия» теоретической экономии с позиций её структурно-содержательного изоморфизма фундаментальной онтологии. Они дополняются необходимыми условиями «синергетического бытия» теоретической экономии как науки – её фрактальностью и

голографичностью. Фрактальность – свойство самоподобия широкого класса систем (объектов) на разных уровнях их существования и она, в данном случае, должна действовать как сопряженность, представленность каждого уровня теоретической экономии во всех её остальных, так и в ней самой в целом. Фрактальность теоретической экономии корреспондирует с её голографичностью, точнее с «держанием её в мысли» с позиций *голографической парадигмы* [37], которая мыслит свой объект (систему) целостно, не выделяя в нём каких-либо «центра» или «периферии». Голографической парадигме мышления, по Д. Бому, противостоит, имеющая преимущественное распространение и в науке, и в обыденной жизни, *линзовая парадигма*. Рассматривая (изучая, мысля) «центр» особо тщательно как нечто актуальное, она всё остальное относит к «периферии», которая, по принципам линзовой оптики, чем далее от «центра», тем более искажается и не принимается во внимание. По такому «линзовому» принципу и организована нынешняя экономическая теория, сосредоточиваясь на неком актуальном и «нормальном» (удобном и привычном для кодов экономической мысли, растущих из самих себя) «центральном», отвергая всё упоминавшееся «иное», которое в логике «линзы» становится чем-то, по меньшей мере, научно некорректным. Статистика (и статика) центрового «нормального» берет верх над исключительностью и смысловой нераспознанностью «иного», его нераскрытым потенциалом.

Это – ситуация подобная «черному лебедю» Н. Талеба [29], передающая метафорой экзотической, существующей как единственный биологический вид, птицы (в отличие от многообразия «нормальных» белых лебедей) теорию осуществимости, исходно предполагающихся невозможными, но имеющими значительные последствия и перспективы, аномальных событий. Совокупность обычных, «нормальных» событий (актов мысли, объектов) по своим параметрам описывается так называемым *нормальным распределением*, или «колоколом Гаусса» с относительно компактно нисходящими ветвями. Напротив, по теории Талеба, самому важному, «ненормальному», значительному, исходно невозможному и неожиданному предопределено происходить за ветвями распределения, или, в нашей терминологии как «иному». Другими словами, нынешняя экономическая теория, не желая иметь дело с «иным», попала в ловушку нормального распределения «белых лебедей» и ей суждено находиться в перманентном кризисе *пагубной самодостаточности* [22].

Такой науке только и остается восторгаться собственными гарантированными успехами (испытывать «дурную радость», по словам Ю. Осипова), особенно не задаваясь смыслом и содержанием этих успехов. Ей не суждено стать и «черным лебедем» теоретической экономии, необходимой для запутавшейся в собственных целях и возможностях современности.

Поэтому настоящая статья, позиционируя себя как «черного лебедя» теоретической экономии с её триадической структурой, раскрывает – с позиций современной *постнеклассической науки* (или постнеклассики) [27] и её синергетического инструментария – содержание структуры, подчеркивая, таким образом, *исполнимость* предлагаемого варианта теоретической экономии[3]. Нет ли здесь противоречия между раскрытием и невозможностью? По Талебу – нисколько. В его теории еще не происшедшая «событийность» может обладать таким набором глубинных составляющих, которые дают о грядущей «событийности» общее предварительное представление *до реализации* в принципе «ненормального» события (явления, акта мысли). Добавим – в то же время не зная вероятности его наступления. Для владеющих подобным представлением еще не наступившее событие становится «серым лебедем», тогда как не владеющие воспримут его именно как «черного лебедя» по наступлению[4]. В данном случае мы имеем подобную ситуацию, где предварительные представления концепта теоретической экономии, её в*и*дение базируются, с одной стороны, на фундаментальной онтологии Хайдеггера, с другой – на положениях постнеклассической науки и синергетики. Первое изложено в интродукции настоящей статьи, второе – в основном материале работы. Для него была использована в значительной степени переработанная ранняя версия такого в*и*дения теоретической экономии, написанная в соавторстве с С. Дорогунцовым[5].

Что дает предлагаемый концепт теоретической экономии? Здесь снова действует триадическая структура. Во-первых, концепт *по-гегелевски* снимает потенциальную кризисогенность нынешней экономической теории, эпистемологически расширяя её по принципам постнеклассики «иным». Забегая вперед, скажем, что «сверху» – это *философия хозяйства*, «снизу» – *физическая экономия*. Во-вторых, концепт непосредственно выражает миссию человека в мире. Он ориентирует социум, через сопряженную с теоретической экономией «практическую» экономику, действовать в кодах смысла: координировать свои творчески-преобразовательные интенции с

возможностями природного и социального универсумов. В этом отношении предлагаемый концепт теоретической экономии – *гуманистический* концепт. В-третьих, концепт согласовывает экономическое знание с постнеклассикой и синергетикой, которые, в основном, все еще связываются лишь с естественными науками. Тем самым создается исследовательская площадка для апробации тех вещей, которые становятся общими для экономики, с одной стороны, и постнеклассики и синергетики – с другой. Здесь особый акцент сделаем на *смыслопорождении* [3], поскольку оно то совместное, что объединяет теоретическую экономию, её гуманистическое начало и постнеклассическую науку.

СМЫСЛОВЫЕ ИНТЕНЦИИ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ

Отметим, что процесс творческой институализации теоретической экономии при её ведущем дискурсе смысла, чем она когерентна постнеклассике, высвечивает знаковую для современного экономического знания противоречивость. Она характеризуется следующим эпистемологическим контекстом. Так, на метанаучном уровне – уровне предельно обобщенного научного мировоззрения, где действует парадигма постнеклассической науки, подобная «смыслообразующая» возможность постнеклассики прямо определяется ее исходной позицией. Эта позиция учитывает соотнесенность получаемых знаний об объекте (вещи) познания не только с особенностями применяемых для этого средств и операций, но и человеческих *ценностно-целевых структур* [27], «заостренных», в том числе, на прояснение и порождение *смысла* [6]. При том, что постнеклассика использует как основу научной картины мира принципы *универсального* (глобального) *эволюционизм*а, а как главный исследовательский инструментарий – *синергетику* (науку о самоорганизации сложных систем), это обеспечивает ей две ключевых особенности. Во-первых, в значительной мере снятие предшествующего противопоставления наук о природе наукам о человеке (социуме), с образованием нового типа (как исследовательских, так и реальных) «человекоразмерных» (социоприродных) систем, – потенциального пространства-времени человеческого бытия, его содержания. Во-вторых, – исследование и управление подобными системами, как динамическое, опережающее, с позиций их возможной синергетической самоорганизации в рамках соответствующего коридора смысла. (В этом отношении постнеклассика совместно с синергетикой потенциально ведут к пониманию природы «черных лебедей».)

Отсюда, казалось бы, «практическая» экономика, органично когерентная социоприродной системе как реальному пространству-времени жизнедеятельности социума, неизбежно должна иметь своим научным «двойником» *теоретическую экономию*, а у той есть все возможности взять на себя ответственность и инициативу по осуществлению жизни человечества, не находящейся в диссонансе со смыслом. Всё же по причинам, которые станут понятны позже, такого пока не происходит и экономическое знание, в абсолютной своей массе, продолжает монолитно располагаться в стане «белых лебедей». Однако в корреспондировании с ключевым для нас смыслом, примечателен один из продуктов прикладного, инструментального обеспечения постнеклассики: *динамическая теория информации* [34]. Она по-своему бросает вызов монолитности, подрывает его. В соответствии с теорией, разные по происхождению (от идеальных до материальных) и масштабам, сложные системы способны к синергетическому саморазвитию или *автопоэзису*. Это такие изменения самосовершенствования, которые отражают присущую системе цель существования, используя в основном собственный трансформационный потенциал, сохраняя её целостность и идентичность. Автопоэзис возможен лишь при условии соответствующих пространственной и временн*о*й организации сложной системы, являясь, собственно, «динамикой» её смысла.

Пространственная организация системы предполагает её иерархическое, функциональное деление на некоторое количество специализированных уровней-подсистем с последовательной сменой назначений и механизмов их деятельности по вертикали. Уровни сквозным образом связаны между собой двунаправленными потоками информации координации и преобразования (от высших уровней к низшим и наоборот), где высшие уровни специализируются на *управлении* поведением системы, низшие – на *выполнении* сигналов управления. Конкретная иерархия уровней обусловлена общим потенциалом сложности соответствующей системы, но дуальность специализации – *инвариантна*. Причем информация высших уровней, связанная с управлением, является более агрегированной, однозначной, абстрактной (обобщенно – «идеальной»). Напротив, информация низших уровней, предназначенных для выполнения импульсов управления, – более конкретной и множественной (обобщенно – «физической»). Иными словами: в сложной системе,

способной к автопоэтической самоорганизации, высшие уровни иерархии соответствуют ее «ментальности», низшие – «физическости».

Временн*а*я организация системы предполагает ее внутреннюю целевую активность, особую направленность в будущее – *телеономию*. Такая телеономия для системы реализуется взаимодействием пары «онтогенез – филогенез», причем онтогенез системы повторяет ее филогенез (Д. Чернавский), где онтогенезу соответствует конкретная система, которая эволюционирует, самоорганизуется, а филогенезу – её «родовые», видовые возможности. В несколько ином аспекте, онтогенезу должны соответствовать низшие уровни системы – её «генотип» с определенным структурированным множеством возможных состояний системы, каждый из которых обусловливает особый характер её последующего развития. Напротив, филогенезу на высших уровнях системы соответствует аппарат *селекции* и *детекции* (В. Бранский), который, исходя из обстоятельств окружения системы, отбирает из множества её возможных состояний одно, необходимое для дальнейшего развития. Отсюда временн*а*я организация иерархической системы реализует её динамику – с целесообразной согласованностью прошедших, теперешних и будущих состояний. Для человекоразмерных систем это создает то, что можно охарактеризовать как *рациональную наследственность*, непрерывное присутствие смысла – постоянную онтогенетическая проверку и корректировку целесообразности общего направления филогенетического развития и «привязку» последующих стадий к предыдущим.

Динамическая теория информации позволяет строить информационные модели самоорганизации сложных идеальных и материальных объектов исследования и/или управления с позиций их *герменевтики*, определяя их такими, какими они есть «сами по себе», того, что им присуще. Очевидно соответствие такой информационной модели уже идеального объекта современной гносеологии, собственно, *эволюционной эпистемологии*. Напомним, что эволюционная эпистемология, основателем которой является К. Поппер [19], рассматривает познание – в рамках принципов универсального эволюционизма – именно как процесс системно-активного роста знания, выделяя в нем взаимосвязанные уровни теоретического («высшего») и эмпирического («низшего») знания.

Теоретический уровень является уровнем сущности, содержания эволюционной эпистемологии, где реализуется её познавательная активность. Собственно, здесь выдвигаются новые положения (аксиомы, гипотезы), непосредственно на эмпирическом уровне соответствующего объекта познания не возникающие, но дающие его новое понимание, раскрывающие его дотоле непроявленную сущность. Напротив, эмпирический уровень осуществляет «жесткую» проверку этих теоретических положений, безоговорочно их отвергая или подтверждая (иногда временно, до следующей, более совершенной проверки). Это известный принцип «фальсификации» эволюционной эпистемологии. Здесь порождается, закрепляется и эволюционирует одновременно и то, что является продуктом человеческого духа («повернуто к человеку»); и то, что подтверждено соответствующими эмпирическими реалиями («повернуто к природе вещей»); и то, что действует как оппозиция к сфальсифицированным (абсурдным) положениям («опосредованность и отсроченность»); и то, что может только увеличиваться (знания) как положительная синергия.

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

При таких характеристиках степень развитости и сбалансированности вертикали «теоретическое» (ментальное, содержательное, сущностное) – «эмпирическое» (физическое, реальное, явленное) с точки зрения постнеклассики есть, в значительной степени, и степенью развитости любой науки. Поэтому подобную вертикаль можно определить как э*пистемологическую*[7]. Особенное в эпистемологической вертикали – оотношения между теоретическим и эмпирическим уровнями конкретных предметных областей трех основных блоков научного знания – «физического», «биологического» и «социального». Доминантным в направлении «физическое» – «социальное» является нарастание абстрактности, трансцендентности содержания теоретического уровня и соответствующее структурно-системное усложнение эмпирического уровня. Отметим, что с позиций динамической теории информации при этом будет происходить нарастание *энтелехии*, «свободы воли» высшего, управленческого, уровня с увеличением возможностей его влияния на низший, физический уровень. Так или иначе, но для блока социальных наук, и, в первую очередь, рассматриваемой экономической теории, с ее «органичным носителем» –

социоприродной системой, это порождает проблему амбивалентности. Существенными становятся не только знания о природе физического уровня, но и ценностные ориентиры разной природы, которые действуют на верхнем уровне, то есть то, что порождает смысл человеческой деятельности при *корректных* ориентирах или его отсутствие (абсурд) – при *некорректных*. Собственно, такая амбивалентность открывает дорогу общецивилизационному кризису, одной из многих и знаковых составляющих которого является и упоминавшийся кризис экономической теории[8]. Здесь амбивалентность дополнительно проявляется как внешне парадоксальные в своем единстве «разрешение» постнеклассики на «правильную» теорию (теоретическую экономию) и «нежелание» экономической теории быть таковой. Данный кризис можно определить, прежде всего, как кризис эпистемологической вертикали. Все это становится понятным, учитывая генезис экономической теории.

Показательны здесь метаморфозы эпистемологической вертикали экономической теории на протяжении её исторического развития. Выйдя из лона философии и получив первоначально (с XVII – XVШ веков) научную интерпретацию в виде политической экономии, она, по происхождению, содержала значительный вектор мировоззренческой рефлексии. Своей же предметной областью теория имела вектор эмпирических характеристик реального природного окружения, с которыми тогда приходилось считаться. Возникнув таким органичным и неявным образом, эпистемологическая вертикаль (еще до появления постнеклассической науки и эволюционной эпистемологии в последней трети XX века) была присуща как марксистскому (в большей степени), так и немарксистскому (в меньшей степени) вариантам политэкономии. Удивительно, но и закономерно, что последующее разрушение вертикали происходило по мере продвижения основных принципов экономической теории навстречу постнеклассической науке. Внешне это обусловливалось эйфорией радикального преобразования, *пересотворения мира* [21] с его зримыми «успехами», преобразования, которому, естественно, никаких оправданий своих действий не было нужно. Внутренне – необходимостью конверсии научного, практического и идеологического обеспечения экономики пересотворяемого мира – *рыночного фундаментализма* – в единую расчетную дисциплину. Такая расчетная дисциплина – *экономикс* [12], как ядро современной

экономической теории содержит эпистемологическую вертикаль уже в свернутом, редуцированном виде. Ясно, что она не утруждает себя большими мировоззренческими вопросами, которые беспокоили предшествующую политэкономию, – вопросами смысла экономической деятельности, рассуждениями о том к чему она может привести. И здесь возникают необходимые к пониманию, хотя и очевидные проблемы.

Собственно, экономикс, как определенная система оптимизирующих расчетов, целесообразных в той или иной самодостаточной и ограниченной плоскости экономического бытия – бухучете, финансовой деятельности, маркетинге, менеджменте и т. д., является, безусловно, необходимым и незаменимым инструментарием. Предостережение должен вызывать экономикс как способ исключительно культово-упрощенного и расчетливо-рационального восприятия мира и человечества в нём, лишенных какого-либо «иного», трансцендентного. Это предполагает и упрощенную природу, и упрощенного человека с его стремлением удовлетворять любые собственные прихоти, с новым человеческим типом – *Homo economicus*. Тип наделен ничем не ограниченными жаждой потребления (даже – *перепотребления*) и погони за прибылью. Отсюда он требует и создания соответствующего ему нового места обитания – *Pax Economic* (лат. – экономический мир), с его противопоставленностью «ландшафту» социоприродной системы. Такая методологическая «уплощенность» экономикс в научном (напомним – с редукцией эпистемологической вертикали) и в онтологическом (с ликвидацией иерархии ментальное – физическое) отношениях – результат действия *рыночного проективизма* [28].

Эта проективность идей рыночного фундаментализма и ее нынешнего теоретического носителя – экономикса, – по сути, является формой *прогрессизма* (вульгаризированного понимания цивилизационного развития как самоцели без его оценки с позиций смысла) и характеризуется двумя основными аспектами. Во-первых, в научном плане, это *проективность-увязывание* с представлением о линейных и статистически-гауссовских свойствах поведения природного и социального универсумов с отрицанием существования в них процессов нелинейной самоорганизации и состояний на грани хаоса и порядка (подобных «черным лебедям»). Отсюда создаются предпосылки выхода, из-за масштабных и

несбалансированных действий человечества, на патологическую траекторию *хреодного* (от греч. *chreo* – предопределенный, обреченный и *odos* – путь) развития с перманентным глобальным системным кризисом, признаки которого явственно обозначились с 2008 года. Во-вторых, в моральном плане – это *проективность-навязывание* представлений о возможности только единственно «нормальной» социально-экономической жизни по корыстным и гедонистическим стандартам рыночного фундаментализма («жизнь ради денег и по-денежном»). В нашем геополитически разделенном мире, здесь вырисовывается явная зависимость внешне вне-мировоззренческого экономикса от идеологии группового эгоизма жителей стран «золотого миллиарда», *пока* весьма заинтересованных *именно в таком* инерционно-линейном типе цивилизационного (экономического) развития[9].

Поэтому поскольку нынешний мир геополитически разделен, а не солидарен, экономическая теория, отражая реальные интересы сторон противостояния, будет давать разные по ценностно-целевым ориентирам ответы. Отсюда *уже* по этой причине *единой* экономической теории в понимании корпуса интегрированных на метауровне научных знаний, которые имеют прямое практическое применение – подобно единой теоретической физики или биологии – сейчас принципиально быть не может, как раньше не было (по другим причинам) единой политэкономии. Существующее же разделение экономической теории и отношение к ней в данных условиях является биполярным. С одной стороны, это «положительная апологетика» экономической теории на основе экономикса. Здесь даже открываются перспективы его значительного совершенствования на базе компьютерных технологий сетевых финансовых спекуляций (*финансомики* – Ю. Осипов) отдельных могущественных мировых финансовых игроков. Они снимают со всех глобальную финансовую ренту в отрыве от состояния реальной экономики и паразитируют за её счет[10]. С другой стороны – её «отрицательная апологетика» как вынужденное существование в условиях, которые экономическая теория на основе экономикса и рыночного фундаментализма – прямо или косвенно – навязываются всем остальным. Это порождает своеобразное множество *ad hoc* теоретических ответов и практических действий, в частности, в виде распространенных сейчас принципов экономической безопасности.

Возможна ли при такой цивилизационной ситуации одновременно *истинная* (при согласованности законов природного и социального универсумов) и *справедливая* (в отношении не противостояния интересов человечества, а его солидарности) теоретическая экономия? Похоже, это дело почти несбыточное, как и постижение стержневого для неё смысла в *бессмысленное время* [33], тем более в рамках действующего мировоззренческого *первого начала* (по Хайдеггеру). Хотя с позиций «технологии» обнаружения смысла, более того – его необходимого опережающего рассмотрения – подобная теоретическая экономия должна была бы действовать, по крайней мере, как предупредительное знание, демонстрируя, что именно человечество получает и в дальнейшем будет получать, используя, или, наоборот, не используя корпус её возможностей. Структурно, требующаяся теоретическая экономия, исходя из принципов эволюционной эпистемологии, уже как *метасистема*, с которой мы начинали, должна была бы содержать развернутую эпистемологическую вертикаль с тремя взаимосвязанными уровнями (автономными сегментами). Они соответствовали бы верхнему (мировоззренческому), среднему (операциональному) и нижнему (эмпирическому) уровням, напомним, имеющими содержательные параллели с уровнями фундаментальной онтологии Хайдеггера. Тут же можно говорить, разумеется, метафорически, о некой функционально-пространственной ориентации сегментов теоретической экономии. Так, предназначение верхнего уровня быть философией экономической деятельности (сегмент философии хозяйства) ориентирует его «вертикально» и на упоминавшееся «иное», и на физическую экономию. Симметрично этому имеет вертикальную ориентацию и нижний уровень (сегмент физической экономии) – на философию хозяйства и на «иное»[11]. Напротив, средний уровень – собственно, экономическая теория («метафизика» экономики) – обладает горизонтальной ориентацией операционального предназначения (*сколько* и *как*) в согласованности с сегментами философии хозяйства и физической экономии. В этом отношении «метафизика» действует и как интерфейс между сегментами философии хозяйства и физической экономии, и как нечто самостоятельное и в «себе», изучаемое различными экономическими дисциплинами и в разных аспектах [4]. Однако взятая вне контекста философии хозяйства и физической экономии она со своей – экономической стороны – ведет, как отмечалось, в теоретическом отношении к стагнации знания, а в

цивилизационном – к кризисности. Поэтому мы переносим основной акцент рассмотрения на «по-чернолебяжьему» еще необычные философию хозяйства и физическую экономию. Дадим наше понимание роли этих сегментов в теоретической экономии.

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА – СИСТЕМА ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ

Сегмент философии, с задачей осмысления *куда* и *зачем*, теоретической экономии должен быть, собственно, рефлексией человечества, его в*и*дением себя со стороны. Это в*и*дение как с позиций иных, не экономических видов деятельности, так и других временн*ы*х измерений, отличных от настоящего, или, не только с точки зрения современности, нацеленной на поиск наибольшей экономической выгоды. Здесь требуется максимально расширенное представление о действующем и возможном человеческом существовании и его окружении. Подобному представлению соответствует понимание человеческого существования как непрерывного *хозяйствования* с системой *осмысляющих самооценок* относительно деятельности по организации человеческого бытия, жизни, труда и творчества и, одновременно, сами эти бытие, жизнь, труд и творчество. Научная рефлексия над подобным хозяйствованием соответствует тому, что сейчас приобрело устойчивый термин «философия хозяйства» [15]. Отметим, что идейно философия хозяйства идёт еще от Аристотеля[12], обретает новый импульс в трудах Ф. Шеллинга, системное и содержательное оформление и нынешнее наименование – у С. Булгакова [5].

Философия хозяйства содержит в себе два принципиальных момента. Во-первых, это именно *философия* – то есть мировоззренческое знание, направленное на человеческое хозяйствование. Для него важно, прежде всего, понимание определенных ключевых принципов, которым должно подчиняться человечество, способное увеличивать уровень своей культуры – материальной и духовной, осмысливать свое существование. Во-вторых, хозяйствования, хозяйство трактуется шире, чем экономическая деятельность и экономика, где, соответственно, экономика является лишь определенной суженной и исторически ограниченной товарно-рыночной формой «вечного» хозяйства. Поэтому философия хозяйства как верхний сегмент теоретической экономии действует в необходимых для этого кодах предельно обобщенного абстрагирования и трансцендентности («иного»), выхода за

плоскость рутинной человеческой жизни и такого постижения вещей, которые сами по себе не существуют, но осуществимы, с ответственностью за их возможную реализацию. Возможность (и необходимость) воплощения интенций этого сегмента именно для *реальности осуществимости* нуждается в его сопряженности с проверкой «эмпирией» сегмента физики. И, наоборот, уровень и содержание интенций сегмента философии прямо обусловлены конкретикой и законами универсума, «известными» сегменту физики. Это требует исходной структуризации сегмента философии теоретической экономии для его «стыковки» с конкретикой сегмента физики (через интерфейс «метафизики» экономики). Причем структуризация должна опираться на существование врожденных целесообразных структур человеческого мировосприятия (подобно *пирамиде потребностей* А. Маслоу). В данном случае её способны осуществить два основных аспекта хозяйствования: синхронный и диахронный [9].

В *синхронном* аспекте хозяйствование действует как постоянная дуальная двунаправленная деятельность по согласованию, синтезу свободы и необходимости, где синтез относится как к природе, окружающей человека, так и к самому человеку, его духовному и материальному началам. В ином контексте такая суть хозяйствования может быть понята как постоянная тяжба между жизнью и смертью, как восстановление связи между *natura naturans* (природой порождающей) и *natura naturata* (природой порожденной) [5, с. 144]. В смысловом поле этой взаимодействующей двувекторности явно содержится принцип долговременного балансирования более активного человеческого начала (положительной «свободы для») – подчиненности социума некой, генетически заложенной в человеке, творческой миссии преобразования мира и более пассивного природного начала (отрицательной «свободы от») – нормирования (согласования) деятельности социума в соответствии с законами универсума, или субъект-объектное взаимодействие. Более конкретно – с ориентацией на сегмент физики – балансирование может трактоваться как согласование в каждый момент времени двух принципиально различных видов благ-структур или социально-экономической безопасности («безопасности для») и техногенно-экологической безопасности («безопасности от») [8, с. 21]. Отметим, что содержательно социально-экономической безопасности («свободе») здесь будет соответствовать цивилизационная обособленность человечества от «просто природы»

с его уже преимущественно искусственным существованием на основе определенной инфраструктуры жизни (запросы культуры, жилье, питание, коммуникация, здравоохранение и т. д.), а техногенно-экологической («необходимости») – защищенность этой инфраструктуры от разрушения и саморазрушения. Поскольку между социально-экономической и техногенно-экологической безопасностью через общие ресурсы их обеспечения существует очевидная сопряженность – увеличение одного вида безопасности ведет к уменьшению другого, и они обе являются однородными безотносительными благами, то баланс между ними – также безотносительное благо – *интегрированная безопасность* – есть, собственно, мерой реального благополучия человечества.

В *диахронном* аспекте хозяйствование предстает как циклический процесс, который реализуется на всем протяжении открытого горизонта времени и согласовывает в себе жизненные циклы социального, экономического и экологического начал, действующих в пространстве-времени социоприродной системы, возможности и активность этих начал. Диахронный аспект хозяйствования обусловливает, в зависимости от последствий балансировки социально-экономической и техногенно-экологической безопасности, так называемую *эсхатологию* (от греч. «конечный» + «знание»), развивающуюся в динамике, на которую она сама себя «программирует» – от негативной, саморазрушительной эсхатологии до позитивной. Последняя является, собственно, автопоэзисом социоприродной системы и может рассматриваться по соответствующей траектории интегрированной безопасности и критериев её реализации и как ее *устойчивое развитие* [8, с. 46-49]. Эта траектория, с её допустимыми флуктуациями, является *оптимальной*. Она проходит в упоминавшемся окультуренном коридоре человеческого существования в течение всего горизонта устойчивого развития, с равной актуальностью для каждого момента времени, объединяя то, что уже произошло (традицию), текущее состояние и перспективы будущего.

Если сравнивать с известным антропным принципом, задающим стартовые условия возникновения и существования универсума (человека, в том числе), и являющимся, по сути, «онтологией универсума», то этот «культурный» коридор – «праксиология социума», его осмысленная, достойная жизнь. Он достигается как

соблюдением социумом своим деятельностным началом соответствующих законов универсума, так и пассионарно-активной реализацией этого деятельностного начала.

Итак, существование в антропном коридоре есть непосредственным осуществлением траектории устойчивого развития с демпфированием на ней флуктуаций (вообще присущих сложным процессам и способным вызвать переход неоптимальную траекторию)[13]. Все это философией хозяйства трактуется как безопасное существование, поскольку сочетается с позитивной эсхатологией, приобретает смысл. Напротив, выход за пределы коридора – опасность, абсурд, так как ведет к хреодному развитию с реализацией негативной эсхатологии в широкой палитре взаимообусловленных экономических, экологических, антропологических, социальных и т. д. кризисов/катастроф. Поэтому устойчивое развитие на своей траектории и измеряется безопасностью, точнее – интегрированной безопасностью. Подобная безопасность является синтетическим, безотносительным, сущностным и трансцендентным (не имеет непосредственно под собой никакой особой «субстанции») показателем-маркером смысла.

Завершая сегмент философии теоретической экономии, отметим две его принципиальные особенности. Во-первых, в отличие от верхнего (неявного) сегмента предшествующей политической экономии, где человеческая продуктивная деятельность рассматривалась «одномерно» и безоговорочно позитивно, здесь она трактуется именно как *дуальная*, с необходимостью баланса в ней двух равноправных противоположных начал – человека (культуры) и природы (природного универсума). Дуальность продуктивной деятельности здесь понимается принципиально иначе чем, скажем, с позиций момента «творческого разрушения» у Й. Шумпетера. Дуальность философии хозяйства является, по сути, цивилизационным, взаимозаинтересованным *диалогом* между параллельно существующими и открытыми друг другу суверенными культурой и природой [7]. Во-вторых, если в политэкономии человеческая деятельность оценивалась с позиций *линейной динамики* (по принципу «белых лебедей») и, следовательно, как бесспорно позитивная при любом росте её масштабов, то философия хозяйства рассматривает такую деятельность с точки зрения *нелинейной динамики* («черных лебедей»). Отсюда она должна быть оптимальной по масштабам, темпам изменений и структуре. Причем действие сегмента философии теоретической экономии, позволяющее оценивать

(«оправдывать») человеческую активность через прирост ее смысла – монотонное неснижение интегрированной безопасности на траектории устойчивого развития, приобретает конкретные оценки только при сочетании его с реалиями сегмента физической экономии[14]. Это обусловливает его назначение – устанавливать *какой ценой и за счет чего* будет осуществляться экономическая деятельность.

ФИЗИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ – СЛОЖНЫЙ ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ

Физическая экономия трактуется как совокупность мировоззренческих и методологических принципов, которые отражают влияние законов универсума на экономическое бытие. Это также система знаний, которую адекватно учитывают в экономической деятельности, исходя из данных принципов [35]. С момента возникновения – в рамках и совместно с первоначальными экономическими знаниями – физическая экономия развивается как некий симбиоз достижений естественных и общественных наук. Такой симбиоз в корректной форме возможен только на основе постнеклассических представлений о том, что он объективно существует в ареале жизнедеятельности социума – в социоприродной системе, где синергетически взаимодействуют социальное и природное начала. При всей реальности и паритетности взаимодействия данных начал, обусловленных социальным и природным «срезами» синергетики, собственно физический (в понимании – неидеальный) аспект этого сегмента требует выделения в нём соответствующих природных структурообразующих движителей. Если в сегменте философии подобным движителем является интегрированная безопасность – характеристика агрегированная и трансцендентная, поскольку она находится на *высшем* уровне системы теоретической экономии – то здесь, на *низшем* уровне, движителем должна быть характеристика уж*е* множественная и субстанциальная.

Основополагающей следует считать структуризацию принципов физической экономии исходя из взаимодействующей триады вещества, энергии и информации. Причем продуктивным является исходное понимание физической экономии с позиций *гомологии* исторического и теоретического. В историческом плане это эстафетная последовательность возникновения и развития на отдельных этапах *Большой истории* [26] субстратных компонентов универсума – абиотического, биотического и социального. Процессу соответствует парадигма *универсального эволюционизма*, по которой каждый из компонентов надстраивался и усложнялся на

основе своего предшественника. Поэтому в историческом плане здесь можно говорить о последовательности усложнений базовых компонентов физической экономии. В теоретическом плане с этим корреспондирует первоначальное возникновение физической экономии как «экономики вещества» у французских физиократов XVIII века Ф. Кенэ, А. Тюрго, В. Мирабо. Далее следует её надстройка «экономикой энергии» [17] (С. Подолинский – вторая половина XIX века), новое возвращение к первоистокам физической экономии [39] (Л. Ларуш – вторая половина XX века) и понимание её как преимущественно «экономики информации» (с последней трети XX века).

Отметим те ключевые свойства действия и взаимодействия компонентов триады «вещество – энергия – информация», обусловливающие как автономный характер самой физической экономии, так и характер сопряженности в теоретической экономии ее сегментов «физики» и «философии». Во-первых, это то, что каждый компонент или уже существует изначально, или может быть получен с помощью компонентов-предшественников: энергия – непосредственно из вещества, где она накоплена как в химических связях вещества, так и в его ядерной структуре, информация – опосредованно, при использовании вещества и энергии[15], причем здесь действуют две особенности. Прежде всего – невозможность реальных обратных преобразований компонентов (только теоретически допускаются наукой). Далее – повышение эффективности преобразования компонентов от «обычной» (с широким диапазоном эффективности преобразования различных видов вещества в различные виды энергии) к «чрезвычайной» (при использовании вещества и/или энергии в процессе создания информации). Второй особенностью является то, что в количественном отношении компоненты «вещество» и «энергия» имеют определенные естественные ограничения. Поэтому в физической экономии по количеству не может быть сколь угодно много вещества или энергии. Это обычно учитывается в концепциях и моделях устойчивого развития как разного рода ограничения. К примеру, ограничение «сверху» – недостаточное количество ресурсов для безудержного роста, или «снизу» – слишком большое количество загрязняющих выбросов (вещества, энергии). В-третьих, – особый характер информации как компонента физической экономии («информация является информацией, а не материей [веществом], и не энергией» – Н. Винер), причем в соотнесенности с теми

видами информации и её носителями, которые как непосредственно находятся в ареале человеческой деятельности, так и могут прямо испытывать её корректирующие воздействия. Это, прежде всего, информация органического мира: генетическая, «записанная» в молекулах ДНК; поведенческая, которая фиксируется негенетическими компонентами нервных клеток; логическая, существующая в форме человеческих знаний и идей[16].

Особый характер информации заключается, в первую очередь, в возможности её практически безграничного роста в объеме как некоего «информационного пула» – совокупности различных видов информации с её носителями. С позиций прогрессизма это определяет главный соблазн построения постиндустриального (информационного) общества со снятием ограничений роста, присущих предыдущему, индустриальному, обществу – ограничений вещества и энергии. В свою очередь развитие постиндустриального общества, учитывая возможности почти неограниченного рост информации, предполагается исключительно за счет информационного движителя, преимущественно благодаря прогрессу электроники и биотехнологии. И здесь можно выделить два принципиально разных и параллельные направления разрастания информационного пула. Первый – рост генетической и поведенческой информации, связанной с ее живыми «носителями», – растениями, животными, людьми. Границы разрастания информационного пула этого направления определяются, с одной стороны, возможностью масштабирования количества носителей, с другой – возможностями генной инженерии, но прямо корреспондируют с объемами естественно связанных с ними вещества и энергии. Второе направление – рост знания. Это направление требует относительно ничтожного количества энергии и вещества для увеличения информационного пула – собственно, для создания и поддержания необходимых искусственных информационных систем на соответствующих носителях (классических книжных, электронных, оптических и т. д.). Основные затраты энергии и вещества здесь необходимы, так сказать *post factum*, учитывая особый характер этой информации именно как знания, поскольку её сущностью есть связь с определенным *оператором действия*, которое так или иначе должно реализовываться [11]. Иными словами существует и очевидная особенность того, что для нормальной жизни общества невозможно гипертрофированное увеличение информации без одновременного роста

вещества и энергии. Поэтому и для постиндустриального общества должны существовать пределы роста[17]. Но, похоже, главная опасность для него будет заключаться в другом – в *информационном переуплотнении* мира и действии переуплотнения на человека. Это требует дополнительного рассмотрения информационного движителя под углом синергетических законов универсума.

СИНЕРГЕТИКА КАК «МЕНТОР» СОЦИОПРИРОДНОГО РАЗВИТИЯ

Если законы универсума условно разделить на *онтологические* (физические, химические, биологические и т. д.) и *синергетические* (принципы самоорганизации) [9, с. 48], то информационный тип развития общества при сохранении действия онтологических законов (на уровне вещества и энергии) на уровне информации будет определяться уже синергетическими законами. Важной особенностью синергетических законов – в отличие от онтологических, которые являются законами прямого действия и непосредственно «подчиняют» себе социум, – есть их мягкий и неявно-долгосрочный («менторский») характер. Подобный характер связан с процессами самоорганизации, при возможности человеческого вмешательства в развитие событий, определяемых законами. В конусе допустимой самоорганизации событий это обусловливает определенные изменения состояния универсума – в том числе, и состояние самого человека (преимущественно на ментальном уровне), их вызвавшего – от положительных до отрицательных. Такие изменения универсума аккумулируются постепенно и нелинейно (не исключая и возможности внезапных кризисных проявлений), а негативные изменения в самом человеке могут сопровождаться потерей критического самосознания своих действий. При той особенности, что совокупный информационный пул напрямую связан со *сложностью* соответствующей системы [13], в частности социоприродной, нарастание действия информационного движителя в рамках физической экономии имеет место в проявлениях двух групп синергетических законов, формирующих лицо постиндустриального общества. Первая группа, превалирующая сегодня в теоретической синергетике, обобщает принципы нелинейного развития сложных систем, вторую можно охарактеризовать как их ресурс сложности [9, с.49].

Первая группа законов в ее основных аспектах: *аттракторного равновесия* (существование для каждого момента времени набора потенциально возможных будущих состояний системы) и *немарковских процессов* (зависимость состояний

системы в последующие моменты времени от её состояний в предыдущие моменты) передает, собственно, «картографию» операциональных возможностей физической экономии. Исходя из этого, социум в точках принятия решения – там, где существует бифуркационный переход текущего состояния системы в одно из потенциально возможных состояний, способен переводить систему (а, следовательно, и самого себя) в одно из тех новых состояний, которое он считает целесообразным. Отсюда человек, по сути, формирует не только собственное будущее, но и шире – будущее своего окружения, назначая ему такой тип развития, который, очевидно, сам по себе никогда бы не реализовался. Итак, действуя в рамках синергетических законов универсума, человек приобретает возможность интенсивно изменять состояние самого универсума. Подобное развитие характеризуется двумя основными особенностями. Во-первых, оно требует относительно небольшого количества вещества и энергии и необходимо-достаточно информации для знания про адекватный выбор и создание нового, усложненного будущего. Во-вторых, нелинейность развития как одновременная зависимость его и от прошлого, и от дендритно-разветвленной направленности в неизвестное будущее, при относительно небольших затратах вещества и энергии на поддержание такого развития и соответствующего темпа изменения (темпомира – языком синергетики), может создавать режим информационного самоусложнения социоприродной системы (*информационный беспорядок*). При таком режиме, который является «рабочим» для рыночного фундаментализма («бег человечества наперегонки с самим собой» – К. Лоренц), информация, как новое знание, из-за неспособности человека полностью адаптироваться к нему, теряет свою целостность и хаотизируется. При подобных обстоятельствах любое эффективное (целесообразно, осмысленное) долгосрочное социально-экономическое управление становится невозможным даже с использованием современной информационно-компьютерной технологии – ни с позиций классической управленческой парадигмы («что следует делать»), ни новейшей («чего не следует делать»). Социум не знает, ни что с ним происходит, ни в каком направлении ему следует двигаться, и действует инерционно-ситуативно, в то же время начиная интуитивно понимать: «белые лебеди» экономики оказываются несостоятельными, необходимо нечто «иное» (в нашей терминологии – «черные лебеди»)[18].

Вторая группа синергетических законов, отражающая ресурс сложности социоприродной системы, является обобщением закона необходимого разнообразия (закон У. Эшби) с дополнением его законом иерархических компенсаций (закон Е. Седова). Данную группу законов можно интерпретировать так: уровень сложности социоприродной системы является величиной квазистабильной, склонной к медленному эволюционному росту, а также величиной комплексной, обобщающей сложности всех её компонентов (подсистем). Поэтому форсированное усложнение одного или части компонентов системы для сохранения её общего баланса сложности вызывает компенсирующие снижение сложности остальных её компонентов. По парадигме универсального эволюционизма сложность Вселенной как суперсистемы, что охватывает и нашу Землю как глобальную социоприродную систему, в течение Большой истории постоянно нарастает, имея свой органичный темп. На протяжении последних пятидесяти-шестидесяти лет для социоприродной системы – нашей планеты – на этот темп усложнения начал существенно накладываться самоускоряющийся темп роста сложности цивилизационной инфраструктуры (как одной из подсистем социоприродной системы). Это определяется, прежде всего, действием биотехнологических и электронных компонентов создающегося информационного общества[19]. Поэтому с позиций ресурса сложности в измерениях информации для Земли как глобальной социоприродной системы (с корректировкой на степень её системной открытости) и в её некоторых подсистемах должны происходить соответствующие компенсирующие информационные (энтропийные) упрощения. Очевидно, что таких основных подсистем две – природа (биосфера) и социум, а само упрощение обусловлено органической хрупкостью их построения.

При этом природа упрощается (уничтожается), оказывая сопротивление в рамках действия принципа *Ле Шателье – Брауна* [24, с. 54–55], приобретая новые формы, при которых давление на нее уменьшается (причем формы для человека и неприятные, и непонятные). Иное дело социум. Несмотря на упрощение (мутацию) человеческого генома, старые и новые болезни, медицина будто взялась создать более надежного для этих условий нового человека – искусственные, донорские и клонированные органы, изменения внешности и пола. Дело уже выходит на своеобразную финишную прямую: перенесение органической человеческой основы на кремниево-компьютерную, что должно сделать человека более стойким и

эффективным для новейших технологий, постепенно «переподчиняющих» себе человечество[20]. Поэтому упрощение социума происходит преимущественно на уровне человеческой ментальности. Там, за исключением некой функциональной структуры, призванной обслуживать усложнения цивилизационной инфраструктуры, а потому также вынужденной совершенствоваться, «все остальное» – тонкие, трансцендентные сферы души и морали – обречено на упрощение. Собственно, это и обеспечивает успех проекта строительства нового, культурно-упрощенного *постчеловека* [32], или, иными словами, *Homo economicus*.

ПЕЧАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ – РЫНОЧНЫЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ И ЕГО «ДОСТИЖЕНИЯ»

Каковы же возможные последствия действия законов сегмента физической экономии на человечество при условии его независимости от корректировок сегмента философии хозяйства – то есть при обстоятельствах дальнейшей «раскрутке» нынешнего рыночного фундаментализма вплоть до глобального коллапса? И, наоборот, как при таких условиях сегмент философии теоретической экономии будет фиксировать кризисные реалии сегмента физики, воплощенного в социоприродной системе?

Во-первых, – наступление нового мирового порядка в глобальном, на основе информационно-компьютерной технологии сетевого общества, которое и обслуживает, и порождается рыночным фундаментализмом, сопровождаясь переформатированием органичных биологической и социальной ритмичности, связанных с характером их жизненного цикла [10]. Такой порядок пересотворяемого мира, в силу своего сетевого происхождения, отличается особой природой и может быть охарактеризован как «управляемый хаос» (А. Неклесса). Порядок будет отличаться существенным преобладанием уровня жизни ограниченной части социума, в основном из непроизводительной сферы (финансовая и посредническая деятельность, масскультура, криминальные практики и т. д.), перед всеми «остальными» – из сферы производительной (материальной и духовной) деятельности, реального сектора экономики, то есть перед людьми в предыдущем понимании культуры и порядочности (и за их счет) – и получением некой значительной «ренты статусности». Технологически это обеспечивается новой

информационно-сетевой архитектурой общества, а морально – обусловлено психологией *Homo economicus*.

Во-вторых, уже давно ставшее реальностью регулирование странами «золотого миллиарда» компенсирующих упрощений – и в природной, и в социальной сферах (подсистемах) глобальной социоприродной системы. В природной подсистеме это выражается в импорте из стран «второго» и «третьего» миров по относительно низким ценам природных ресурсов (в исходном, негэнтропийном состоянии «информационной сложности»). Напротив, туда осуществляется экспорт отходов (с уже высоким уровнем энтропии, «упрощенных») и размещение производств (не стратегического значения) «первого» мира. В социальной сфере регулирование действует как вестернизация, «зомбирование» жителей стран «второго» и «третьего» миров до необходимого уровня ненасытно-упрощенных потребителей, так и импорт оттуда талантливых («усложненных») ученых, деятелей культуры, специалистов.

В-третьих, отмеченное информационное переуплотнение мира с созданием *виртуальной реальности*. Она является формой существования особой всепроникающей искусственной среды с *ослабленной энергетикой* (С. Хоружий) и порождается преимущественно соответствующими компьютерными технологиями и масс-медиа[21]. Здесь следует отметить, что существует виртуальная реальность и виртуальная реальность. Есть «научная» виртуальная реальность как современная исследовательская методология, которая позволяет переходить от состояния мира здесь-и-теперь в состояние возможного, виртуального мира там-и-тогда, но без «подключения» к нему реально необходимых вещества и энергии. Позволяя заглядывать «за край вещей», такая виртуальная реальность на основе сети быстродействующих компьютеров, к примеру, должна быть одной из составляющих моделирования (управления) устойчивым развитием. И есть виртуальная реальность не научного, а развлекательно-экзистенциального потребления. Порождаясь непосредственно компьютерными технологиями, масс-медиа и практиками изменения сознания, она «стекает» с них в социум и становится там, в значительной степени, господствующим умонастроением. Такая реальность на сознательном и подсознательном уровнях человека воспринимается почти как «настоящая» и требует, подобно наркотику, потребления во все больших объемах. Более того, она нуждается для воплощения своих сознательных и подсознательных фантомных претензий уже в

физически реальных веществе и энергии [20, с. 46], проявляя себя, тем самым, как *превращенную* (патологическую) *форму* современного информационного общества. Особо, на сознательном уровне виртуальная реальность реализуется как современная финансовая интернет-экономика (напомним – *финансомика*) со схоластическими, но хорошо продуманными и вполне «законными» спекуляциями немногих глобальных *а*ктеров виртуального – оторванного от сектора реальной экономики – финансового капитала. Собственно, финансомика, паразитируя за счет сектора реальной экономики и существуя в форме искусственно созданных шатких пирамид финансового успеха, является одним из крупнейших источников опасности в нынешнем обществе риска и кризиса [21, с. 300–304], а также успеха очень немногих её «черных лебедей» (практиков). На подсознательного уровне *индоктринация* виртуальной реальностью, помимо всего, порождает тот общий тонус общества, который может компенсироваться только с помощью непрерывного развлечения и сопряженных с ним потребления (и перепотребления). Это компенсирующее потребление, по сути, вещей необязательных, но таких, что должны обеспечиваться в режиме постоянного увеличения и любой ценой. Соответственно, вызывая таким образом интенсивный рост реального сектора экономики на основе приоритетности информационного движителя перед двумя другими (вещества и энергии), новейшее информационное общество будто бы снимает проблему «пределов роста» предыдущего, индустриального общества. Однако, похоже, с «черного входа» оно начинает раскручивать такую спираль гипертрофированных масштабов деятельности человечества и сопутствующих ему рисков, перед которыми бледнеют опасности индустриализма.

Такие кризисные реалии сегмента физики теоретической экономии при соответствующей его сопряженности с сегментом философии должны фиксироваться как существенные нарушения – и в синхронном, и в диахронном аспектах – интегрированной безопасности устойчивого развития хозяйствования (как мирового, так и регионального). Это может определяться несколькими возможными факторами деоптимизации траектории устойчивого развития. Прежде всего, подобные кризисные реалии могут обусловливаться перерасходами ресурсов (вещества и энергии) социумом – как обществом потребления – в предыдущем периоде и уменьшением их количества ниже объема, необходимого для поддержания на

должном уровне социально-экономической и техногенно-экологической составляющих интегрированной безопасности в последующие периоды. Далее идет деоптимизация устойчивого развития через нерегулируемый рост населения («живого вещества»), в основном в странах «третьего» мира и их демографическое давление на страны «первого» и «второго» миров. Здесь *информационный беспорядок*, при отказе от социально-экономического управления – как глобального, так и регионального, – делает интегрированную безопасность развития не оптимальной (устойчивой), а ситуативно-допустимой. Компенсирующие упрощения природы в рамках закона ресурса сложности социоприродной системы проявляются в снижении уровня качества экологического компонента техногенно-экологической безопасности, а общее упрощение ментальности социума – в снижении уровня возможностей социально-культурного и научно-технологического компонентов в векторе социально-экономической безопасности [8]. Понятно, что снижение уровня действия этих компонентов, непосредственно вызывая снижение уровня интегрированной безопасности, проявляет себя той тонкой вещью, которая ставит под сомнение оценки *самоценности цивилизационного развития* с позиций прогрессизма (рыночного фундаментализма) как сугубо материально-вещественного с параллельным ростом «мира услуг» и развлечений.

КОНСТРУКТИВНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

Следовательно, возникает очевидный вопрос: на основе каких конструктивных факторов законы физической экономии должны сопрягаться с философией человеческого хозяйствования для оценки развития именно как *гарантированно осмысленного*, *стабильного*, *цивилизованного* человеческого, бытия? Современная постнеклассическая наука здесь предлагает два предварительных ответа.

Прежде всего, *реальность* проявлений законов физической экономии – в том числе и в виртуальной сфере, требует для такого сопряжения соответствующий *реальный* объект действия законов. Понятно, что им является упоминавшаяся *социоприродная система*, которая на основе концептуального обновления должна заменить своего «визави» из политической экономии – *экономическую систему*. Поэтому с позиций обновления между социоприродной системой и её структурными компонентами – с одной стороны, и их классическими соответствиями у «визави» – с другой, должны существовать содержательные параллели преемственности. Так, если

социоприродной системе в целом будет соответствовать экономическая система, то эколого-экономическим (коэволюционным) отношениям – экономические отношения, социо-эколого-экономической (эколого-экономической) системе – производительные силы [6, с. 5]. Подобное представление о социоприродной системе базируется на постнеклассической интенции о паритетности человеческого и природного начал в деятельности социума и соответствует синхронному аспекту философии хозяйства, связывая её с физической экономией. Это их первое *сущностное* сопряжение. Относительно генезиса социоприродной системы, несколько упрощая, можно сказать, что никто её специально не создавал и в ней нет никакой особой субстанции. Но такая система, во-первых, является результатом масштабного и интенсивного воздействия человечества на свое природное окружение и его реакции в ответ. Во-вторых, что самое главное, использование этой системы вызывается потребностью научно корректного представления места-и-времени бытия человечества – как оно проявляет себя на самом деле.

Отметим, что такое «на самом деле» – не просто необходимая метафора, а определенный исследовательский подход. Он способен передавать социоприродную систему не с точки зрения внешнего функционального описания (вообще присущего современной экономической мысли, в частности, – экономиксу), а как бы изнутри, с позиций системной рациональности, того, что свойственно системе с её возможностями самостоятельно решать собственные проблемы. Данный подход является, с одной стороны, конкретной реализацией принципов динамической теории информации. С другой, он близок и к *embodied cognition approach* (телесно-познавательному подходу) – современному концепту, который уже имеет весомые практические подтверждения [41]. Его особенностью является исследование сложных систем, наделенных в той или иной степени разумом на основе соответствующей «телесности», воплощенной в реальную материальную основу. Иными словами, в данном случае разум не реализуется с помощью совершенного компьютерного алгоритма – как это, в основном, характерно для подходов искусственного интеллекта. Кроме того, здесь когерентным для изучения на высшем, ментальном уровне системы является то, что на низшем, физическом уровне, связывается не просто с механикой исполнения, как это преимущественно рассматривает динамическая теория информации, а дополняется автономией отелесненной

самоорганизации этого уровня. Ей соответствуют определенные процессы, реакции, движущие и воспринимающие функции. Подобно этому в социоприродной системы для реальной полноты её бытия также должна быть своя разветвленная физическая отелесненность, которой, очевидно, должны соответствовать производительные силы с их обычной содержательной структурой. Однако генетически эта отелесненность должна не просто занимать «место» производительных сил предшествующей политической экономии. Она, в целом сохраняя их характеристики как соответствующих материально-вещественных носителей, должна надстраивать производительные силы автономными возможностями самоорганизации, то есть дополнительным нелинейным эффектом (положительным или отрицательным), своими новыми сущностями и проявлениями.

Таким образом, элементы производительных сил – объекты скалярные и однозначно взаимодетерминированные в «горизонтальном» измерении причинно-следственных связей, органично приобретают не только «вертикальное» измерение самоорганизации с множеством возможных состояний, но и вектор развития своего жизненного цикла[22]. Поэтому с позиции физической экономии обычные элементы производительных сил должны трактоваться уже как (под)системы с соответствием: рабочая сила → социально-экономическая система, средства труда → технологические системы, предмет труда → геоекосистема, с конкретными особенностями продуктивного действия и самоорганизации каждой из (под)систем и совокупным образованием ими целостной социо-эколого-экономической системы (синергетического аналога «обычных» производительных сил) [6].

В ней социально-экономическая (под)система действует как социум, в диапазоне от биологического до идеального начал, технологические (под)системы передают весь спектр деятельности человека и оказывают давление на геоекосистему, а геоекосистема занимает природное пространство размещения технологических (под)систем и социума. Всё это взаимодействие (самоорганизация) конкретных (под)систем в единой социо-эколого-экономической системе формирует во времени структуру её системной динамики. Собственно, она соответствует диахронному аспекту хозяйствования, с его крайними возможностями положительной и отрицательной эсхатологии, и обусловливает, таким образом, вторую (*сущностную*) сопряженность философии хозяйства и физической экономии.

Если первое и второе сопряжения фиксируют *методологическую возможность* существования эпистемологической вертикали «философия хозяйства – физическая экономия» необходимой теоретической экономии, то что способно сделать ее – вертикаль – *реальностью*? Ответ очевиден: информация необходимой структуры, для которой достижимо как адекватное измерение «содержательных» процессов философии хозяйства и «эмпирических» – физической экономии, так и корректное осуществление их взаимной конверсии. В определенном смысле это требует радикальных изменений *in rerum natura* (в природе вещей) существующей информации и принципов ее переработки.

Относительно природы информации здесь должна была бы измениться информационная парадигма, сложившаяся в эпоху индустриального общества и базирующаяся на принципах линейного, одномерного описания событий, которые *уже* произошли. Её должна заменить информационная парадигма, адекватная, с одной стороны, методологическим принципам динамической теории информации, а с другой – принципам постиндустриального (информационного) общества. В первом отношении ключевым является переход на информацию структурно-множественного построения, способную передавать *потенциальную множественность* состояний компонентов социоприродной системы на её низших иерархических уровнях. Во втором – возникают проблемные вопросы *содержания*, *сущности* новых показателей такой информации. Тут, если исходить из основных принципов постиндустриального общества, приоритетным является отражение в информации потенциальных запросов новой культуры (при всей её амбивалентности). Это, в частности, изменение технологического способа производства, нетрадиционные энергоресурсы и безотходные технологии; эволюция экономической структуры общества; трансформация социальных и национальных отношений; динамизация мирового сообщества. Отсюда становится очевидным, что действующая информационная база *принципиально* не освещает ни того, где человечество сегодня находится, ни в каком направлении ему следует двигаться, и поэтому нуждается в существенных усовершенствованиях[23]. Таким усовершенствованием, прежде всего, должно быть дополнение доминирующей *материально-вещественной* оценки состояния человечества и его деятельности оценками исходя из *экзистенциальных параметров* (состояние морали, культуры, творческих способностей и т. д.), всем тем, что у

Хайдеггера передается емким определением *здесь-бытия* [30]. Далее необходимо дополнение как оценками взаимодействия человека и природы («первой», «второй» и «третьей»), так и оценками состояний самих этих компонентов природы. Третьей особенностью информационного усовершенствования должен быть матричный характер информации, когда она дается в оценках множества возможных состояний объектов человеческой деятельности и самого социума, а четвертой – опережающе-сценарный характер в*и*дения путей её возможного развития. Четвертая – *телеономическая* [1] – особенность, по возможности её реализации, является критической в понимании способности теоретической экономии давать опережающую программу позитивных действий социума с удержанием его в коридоре осмысленного существования на траектории устойчивого развития[24]. Если в методологическом плане это требует «научной» виртуальной реальности, то в информационном – сценарного в*и*дения будущего. Оно должно действовать как на микроуровне конкретных компонентов социо-эколого-экономической системы (напомним – синергетического аналога производительных сил социоприродной системы), так и на макроуровне всей социоприродной системы. Все это, собственно, соответствует, с одной стороны, построению информационной модели социо-эколого-экономической системы с позиции телесно-познавательного подхода с его опорой на свойства материального носителя, а с другой – обеспечивает предпосылки для создания адекватного механизма переработки информации по вертикали «философия хозяйства – физическая экономия».

В содержательном плане работа такого механизма, как отмечалось, имеет целью организацию двунаправленных потоков информации с последовательным конвертированием информации принципиально разных типов на высшем (сегмент философии хозяйства) и низшем (сегмент физической экономии) уровнях. Принципиальным является различие этих типов информации: интегрированная и структурированная на её составляющие безопасность философии хозяйства – информация единичная, предельно агрегированная, трансцендентная, такая, что не имеет под собой обычного субстрата. И, напротив, информация множественных конкретных характеристик социоприродной системы, обусловленных реальными субстратными веществом и энергией физической экономии. Подобное различие обусловливается различными срезами восприятия социоприродной системы или

действует на основе известного из эпистемологии принципа дополнительности. Это, собственно, создает главную методологическую сложность конверсии информации – адекватное свертывание в сегменте философии «разрыхленной» информации сегмента физики и наоборот. Такая сложность в русле динамической теории информации находится «на острие» многих современных научных дисциплин (например, эволюционной эпистемологии или биологии в её попытках реализовать свой «третий синтез»). Очевидно и другое – подобное методологическое родство в решении вопроса конверсии информации свидетельствует о том, что в законах универсума должен существовать относительно этих процессов определенный инвариант информационных преобразований, который может быть обнаружен и использован.

«ЧЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ» ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ VERSUS «ЧЕРНЫЕ ЛЕБЕДИ» НЕСТАБИЛЬНОСТИ

На что же ориентирована теоретическая экономия, построенная на изложенных принципах? Каким должно быть ее место в корпусе современных экономических знаний, шире – культуры и жизни человечества в целом? Оставляя по-прежнему открытым вопрос преобразования ее в мейнстрим экономической мысли на теоретическом уровне, и в определенную «новую этику» солидарного человечества – на практическом, попробуем оценить некоторые последствия её условной реализации.

Во-первых, понятно, что никакого быстрого спасительного чуда от нее ожидать не стоит. Она не является прикладной технологической дисциплиной, способной правильно разрешать те назревшие актуальные конкретные проблемы, которые ранее просто решались некорректно. По представленной методологической структуре такая теоретическая экономия, как любая общественная теория высокого уровня генерализации, образует силовое поле обнаружения и нового понимания своих экономических проблем, от чего они приобретают иные очертания. Сами же эти проблемы по-прежнему должны формулировать на теоретическом уровне и решать на практическом специализированные прикладные науки экономического цикла (от экономической статистики до институционального анализа), но уже в определенной степени откорректированные действием упомянутого силового поля. Мера этой корректировки, очевидно, будет различной. Она практически отсутствует в ряде дисциплин, подобных бухгалтерскому учету, и более рельефна в отдельных

отраслевых экономических науках и в региональной экономике. Особое место здесь будет занимать такая классическая экономическая дисциплина, как размещение производительных сил, но уже в новой синергетической редакции и с позиций законов физической экономии. Собственно, как самоорганизация (саморазмещение) социо-эколого-экономической системы социоприродной системы.

Во-вторых, – усиление и синергизм связанных между собой управляемости и информированности социоприродной системы, причем можно говорить о принципиальной «смене вех» осмысления и реализации данных процессов. Прежде всего, это та не простая и несамоочевидная в эпоху пересотворения мира вещь, что человечество не может и не должно полагаться только на свободную игру рыночных сил, исходя из принципа экономической эффективности. Даже при условии внешнего рыночного благополучия, когда экономика развивается под влиянием собственного «промоутера» – стоимости (что, очевидно, не может продолжаться бесконечно), ускоренно начинает проявляться упоминавшийся феномен непродуктивного перерождение экономики в финансомику. Стоимость в этой ситуации существенно деформируется относительно позиций вложенной в нее общественного труда и социальной полезности. В условиях глобально-сетевой экономики стоимость приобретает возможность самовозрастания (буквально как *стоимость от стоимости*, по Ю. Осипову) в пользу финансового сектора и за счет реального. Всё это в условиях рыночного фундаментализма становится одной из многих неразрешимых проблем, в данном случае ключевой: «эффективность – справедливость». Она может быть урегулирована только с позиций «сильного» решения – собственно, смысла человеческого бытия, устойчивого развития человечества, *управляемых* одновременно и с точки зрения преобразующих человеческих действий и законов универсума. Понятно, что такая управляемость требует принципиальных изменений информационной базы, когда, *наконец*, становятся понятными и *осмысленно-сопоставимыми* и предыдущая траектория движения социума, и его текущее состояние, и направление смыслопорождающего движения в будущее.

В-третьих, это необходимое перераспределение ресурса сложности в теоретической экономии по оси «формальное (математическое) – содержательное (сущностное)» в значительной степени в пользу содержательного. Причем нынешний

формальный уровень экономического мейнстрима, связанный с упрощенным линейным представлением о человеческой деятельности как решении определенной математической задачи на экстремум, должен быть не просто отброшен, а усложнен, надстроен «новым формализмом» нелинейной динамики человеческой деятельности [14]. В пересмотре нуждаются и сами горизонты *истинно* человеческой хозяйственной деятельности как *одновременно* – по С. Булгакову – и творческой, и трудовой. Сейчас горизонты определяются, прежде всего, предельной *коммодификацией*, с превращением всех элементов человеческой жизнедеятельности в *товар*. Затем – преимущественным существованием квантифицированных (количественных) по происхождению экономических феноменов – прибыли, стоимости, выпуска и т. д., удобных для формализации (математизации) в традиционном понимании. Поэтому новые горизонты хозяйствования должны быть существенно переформатированы, как в отношении *декоммодификации* того, что не должно быть товаром – культурные и экзистенциальные феномены, так и их соответствующей квантификацией, исходя из диффузного характера феноменов. Очевидно, пересмотренная совокупность характеристик изменит и вектор цели деятельности социума – в том числе и на уровне формального описания, приближая его к содержанию органичного – по своей миссии – человеческого бытия[25].

Здесь следует напомнить миф Платона «Пещера» [16], через тысячелетия корреспондирующий с линзовой и голографической парадигмами Д. Бома. Сюжетной канвой для мифа служит ситуация в пещере, где от рождения находятся узники, прикованные так, что могут видеть только то, что у них перед глазами на стене пещеры. В ней есть пока неизвестный для узников выход, и поэтому пещеру они привыкли считать единственно возможным и уютным для себя миром. В пещере за спиной узников горит огонь, проецируя на стену все то, что происходит между ними и огнем в виде плоских теней. Там, время от времени, проходят некие люди, несущие разные объемные, трехмерные предметы, но, что важно, как муляжи реальных вещей. Наиболее сметливые узники обнаруживают закономерности в динамике теней и развивают в себе умение «линзово» трактовать отдельные тени как саму жизнь. Они – «мудрецы», которым все остальные воздают за это почести (в нашей терминологии их можно соотнести с гуру «чернолебяжей» нестабильности из научной среды «белых лебедей). Один из узников чудесным образом получает свободу и возможность

передвигаться в пещере. Вначале он обнаруживает трехмерность знакомых по теням предметов, затем выбирается наружу. После адаптации к не-искусственному, солнечному свету внешнего мира экс-узник не только упрочивает свои знания по трехмерности реальных вещей, а не их муляжей. Он осознает и первородство, целостность внешнего мира относительно «плоскостного мира» теней пещеры – его «голографичность». Характерным есть возвращение узника-исследователя назад в пещеру, где его появление вызывает не любопытство и расспросы об устройстве внешнего мира, а злорадство и насмешки в свой адрес, поскольку ему проходится опять адаптироваться – теперь уже привыкать и к сумраку пещеры, и терпеть ложные знания «мудрецов».

Итак, основной содержательной сложностью требующейся теоретической экономии должно быть воспроизведение сложности нашего объемно-реального – *голографического* – бытия в *экономическом измерении*. Это *та* сложность, которая в нашем технологизированно-уплощенном мире демонтируется целенаправленно и с большой скоростью в пользу одной «тени» – рыночного фундаментализма и за счет других граней бытия. В таком культурософском ракурсе теоретическая экономия способна избавить экономическое знание «белых лебедей» от роли, которую оно взяло на себя в последние десятилетия (напомним, в противовес несбывшемуся предвидению Кейнса). Роли, по сути, идеологического освящения той преобладающей деятельности социума, которую он реализует подозрительно легко и масштабно, а, по сути, теряя свою миссию в мире, становясь *одномерным человеком* (Г. Маркузе), *Homo economicus*. Поэтому здесь место-и-время декларирования теоретической экономией своей актуальности и неотложной необходимости. Актуальности и необходимости, которые, в складывающейся загипнотизированности привычным экономическим знанием, будут исходно, надеемся, не вечно, восприниматься «по-пещерному». А, именно, – как тень «черного лебедя». Однако через неё, теоретическую экономию *подобной структуры и содержания*, и должна пролегать преобразующая человеческая деятельность – в согласованности со своим смыслом и другими суверенными формами жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Дадим то конкретизирующее определение «практической» экономики, что, во-первых, она противоположна экономике как виду знания. Поэтому, во-вторых, «практическая» экономика есть *хозяйствование* [9], включающее в себя как сектор *реальной*

экономики (производство материальных и нематериальных товаров и услуг), так и *финансовый* сектор (финансово-кредитные и биржевые операции).

[2] С таких позиций происходящий сейчас *кризис экономической теории* [18] есть закономерным кризисом среднего уровня теоретической экономии – если бы он существовал сам по себе – и был «зациклен» на решении своих проблем своими же, в основном формально-математическими, средствами, которые и привели к кризису. Это подобно упоминавшейся стагнации философии, по Хайдеггеру, замкнуто действующей в рамках первого начала на метафизическом уровне и не смогшей перейти к другому началу с «надстройкой» третьего – фундаментально-онтологического уровня. Такая философия обречена изощряться в «технологиях» вывода одних своих определений через другие.

[3] Тем самым теоретическая экономия, в силу своей нестандартной «чернолебяжести», требует и нестандартного представления, известного в эпистемологии как *операционализм*. Или, другими словами, это *путь* (алгоритм, дао) «собирания» теоретической экономии как целостного концепта из составляющих её автономных сегментов. Разумеется, и сами сегменты должны быть необходимо прояснены, причем прибегая иной раз к «рекурсии» пояснения.

[4] Отсюда, во-первых, существует необходимость различения «черного лебедя» как события «практической» экономики и «черного лебедя» как события требующегося нестандартного экономического знания. О необходимости такого «событийного» знания и идет, в основном, речь. (Вспомним характеристику Хайдеггером первого и другого начал философии как событий – уже наступившего и еще не происшедшего, но крайне необходимого [31].) Во-вторых, здесь действует подобие преобразования кибернетического «черного ящика» в «серый ящик». Однако подобие не включает в себя составляющую появления неожиданного, непрогнозируемого «черного» у Талеба.

[5] См: *Дорогунцов С.І, Ральчук О.М.* Теоретична економія: у пошуках власної ідентичності // Вісн. НАН України. – 2003. – № 11. – С. 3–32.

[6] Дадим релевантное работе и назревшее определение смысла, как того, что ментально выходит за пределы какого-либо феномена (объекта, действия, мысли) и определяет его с дополнительных, исходно неявных позиций. В смысле феномен приобретает понимание новой, иной целостности и его особенностей, достигает своей онтологической полноты «сверхбытия», причем оставаясь «самим собой». Смысл определяется и «прямо», и «от противного» – посредством отсутствия абсурда. В этом отношении абсурд является «как бы *секретом смысла*» (Ж. Делёз).

[7] Эпистемологическая вертикаль – «макровертикаль», образующая основную методологическую ось соответствующей науки, в отличие от известной пары «сущность – явление» для конкретных исследуемых ситуаций, которые определяют «микровертикаль».

[8] Глубоко предметное понимание неизбежности кризиса нынешней экономической теории, расмотренного средствами её же самой, и актуальность перехода к теоретической экономии можно найти, к примеру, в [36].

[9] «Практической» экономикой подобного цивилизационного развития является *турбоэкономика* [21, с. 295–298].

[10] По экспертным оценкам скорость приращения массы спекулятивного финансового капитала (того, что «внушается») в настоящее время более чем на два порядка превышает скорость приращения товарной массы и услуг (того, что есть «в действительности») реальной экономики.

[11] Здесь мы органично приходим к пониманию «иного» как своего рода трансцендентной «бахромы» философии хозяйства и физической экономии. Она не

фиксируется в их терминологии, но эвристически поддерживает тонус осмысления сегментов.

[12] Аристотель, рассматривая экономическую деятельность как сферу этики, выделял в ней две полярных разновидности: стремление к благой жизни («домохозяйствование») и желание выгоды, приумножения богатства («хрематистика») [2].

[13] С точки зрения синергетики, демпфирования флуктуаций – это, собственно, функция упоминавшейся экономической безопасности.

[14] Понятно, что в «предварительный» политической экономии задача оценки продуктивной человеческой деятельности с позиций соответствия её смыслу даже не возникала – смысл в ней «автоматически» считался уже существующим.

[15] Строго говоря, вещество и энергия необходимы только для создания материального носителя информации – информационной системы, вне которой существование информации невозможно (см., например, [11]).

[16] Те изменения в неорганическом мире, которые происходят под влиянием социума, при условии, что существует также информация неорганического мира как степень его сложности (см., например, [13]), в первую очередь, очевидно связываются с информацией человеческого знания и на его основе – поведения.

[17] Даже утвердившаяся в Интернете одновременно как в своем носителе и «инкубаторе» электронная криптовалюта – *биткойн* (отметим – абсолютное воплощение финансомики) – не свободна от такого ограничения. Для функционирования – *майнинга* – она требует постоянного увеличения вычислительных мощностей Интернета. По экспертным оценкам искус обогащения за счет биткойна столь велик, что наращивание вычислительных мощностей для его майнинга, с отдачей их тепловой энергии в окружающую среду, через три десятилетия приведет к глобальному потеплению на 2 градуса по шкале Целсия [40].

[18] При этом «черные лебеди» в действуют в двух основных вариантах. Дадим им условное наименование *культурно-цивилизационного* и *конъюнктурного*. Культурно-цивилизационный исходит из использования соответствующего экономического знания (в нашем понимании – теоретической экономии), предполагающего возможность «черных лебедей» как нестандартную социально-экономическую ситуацию. Такое предположение позволяет превентивно демпфирировать ситуацию при её негативном – для абсолютного большинства социума – характере. То есть при этом варианте «черный лебедь» теоретической экономии должен противостоять «черному лебедю» экономики «практической». Конъюнктурный вариант исходит из эгоистической эксплуатации негативного потенциала «черного лебедя» отдельными *а*кторами финансово-экономической системы. Эксплуатации, разумеется, за счет и в ущерб остальному социуму («игра с нулевой суммой»). Иными словами, здесь парадоксальным образом понимание «черных лебедей» исходит, по сути, из научного стана «белых лебедей» силами отдельных «гуру нестабильности» (Н. Талеб). Они получают личную выгоду от своей исключительности и вообще-то не склонны к переосмыслению экономического знания как такового.

[19] Примеры конкретных проблем, возникающих при попытке информационной оценки уровня и структуры сложности социоприродных систем, приведены в работе [25].

[20] В развернутом варианте это предстает как *технологическая сингулярность* [38] – гипотетический особый момент близкого цивилизационного будущего, когда технологический прогресс так ускорится и усложнится, что станет недоступным человеческому пониманию, выйдет из-под его контроля и, более того, начнет контролировать само человечество (буквально по Ж. Эллюю: «техника стала фатальностью – судьбой современного человека»).

[21] В этом же ряду можно разместить *симулякры* и *гиперреальность*. Однако если симулякры генетически родственны виртуальности, отображая то чего нет (симулякры III-го и IV-го порядков, по Ж. Бодрийяру), то гиперреальность, по сути, есть овеществленные в их фантазмах виртуальная реальность или симулякры. Здесь вещи (и действия) «перерастают» их органичное функциональное предназначение, становясь «больше», чем необходимо.

[22] Это принципиально отличается от представлений экономикса о производительных силах как о простой совокупность факторов производства.

[23] Понятно, что верным будет и обратное: те явные патологии в началах постиндустриального общества, которые уже сполна наблюдаются, в значительной степени обусловливаются его неадекватной информационной самооценкой – и на уровне «философии», и на уровне «физики».

[24] В этом отношении, теоретическая экономия, заглядывая в будущее и *осмысляя* его, решительно расходится – буквально с «классовых позиций» – с системой прогнозирования и *строительства будущего* «Форсайт», действующей в кодах прогрессизма.

[25] Что полностью осуществимо лишь в *социализме второго типа* – по К. Ясперсу [21, 266–276].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акчурин И.А.* Причины телеономические и формообразующие: первые шаги в рациональном понимании / Причинность и телеономизм в современной естественно-научной парадигме. – М.: Наука, 2002. – С. 39–51.

2. *Аристотель.* Политика. Афинская полития / Пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1997. – 458 с.

3. *Аршинов В.И., Свирский Я.И.* От смыслопрочитания к смыслопорождению // Вопр. философии. – 1992. – № 2. – С. 145–152.

4. *Базилевич В.Д., Ильин В.В.* Метафизика экономики. – Киев: Знання; М.: Рыбари, 2010. – 925 с.

5. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. – М.: Ин-тут русской цивилизации, 2009. – 464 с.

6. *Дорогунцов С.І., Ральчук О.М.* Сталий розвиток і безпека: аспекти сполучення. – Київ: Т-во «Знання» України, 2002. – 33 с.

7. *Дорогунцов С.І., Ральчук О.М.* Сталий розвиток – цивілізаційний діалог природи і культури // Вісник НАНУ. – 2001. – № 10. – С. 16–32.

8. *Дорогунцов С.И., Ральчук А.Н.* Управление техногенно-экологической безопасностью в контексте парадигмы устойчивого развития: концепция системно-динамического решения. – Киев: Наукова думка, 2002. – 200 с.

9. *Дорогунцов С.И., Ральчук А.Н.* Хозяйствование – синергетический инвариант. – Киев: Оріяни, 2006. – 228 с.

10. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура // Пер. с англ. – М.: ГУ ВШУ, 2000. – 608 с.

11. *Корогодин В.И.* Информация и феномен жизни. – Пущино, Изд-во Пущинского научного центра АН СССР, 1991. – 202 с.

12. *Макконнелл К.Р., Брю С.Л.* Экономикс: принципы, проблемы и политика / Пер. с англ. – Киев: Хагар-Демос, 1993. – 785 с.

13. *Мамчур Е.А., Овчинников Н.Ф., Уемов А.И.* Принцип простоты и меры сложности. – М.: Наука, 1989. – 304 с.

14. *Морен Э.* Метод. Природа Природы / Пер. с франц. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 464 с.

15. *Осипов Ю.М.* Философия хозяйства. В двух книгах. – М.: Юристъ, 2001. – 624 с.

16. *Платон.* Собр. соч. в 4-х т. – Т. 3 / Пер. с древнегреч. // Государство. Кн. седьмая. – М.: Мысль, 1994. – С. 295–326.

17. *Подолинский С.А.* Труд человека и его отношение к распределению энергии. – М.: Белые Альвы, 2005. – 160 с.

18. *Полтерович В.М.* Кризис экономической теории // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://mathecon.cemi.rssi.ru/vm_polterovich/files/ Crisis_Economic_Theory.pdf.

19. *Поппер К.* Логика и рост научного знания / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1983. – 605 с.

20. *Ральчук О.М.* Інформаційне суспільство: між ейфорією спокус та законами універсуму // Вісник НАНУ. – 2003. – № 2. – С. 36–50.

21. *Ральчук А.Н.* Наведение на резкость. Синергетика современной цивилизации – блеск и нищета пересотворяемого мира 2 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://files.library.by/files/1556001882.pdf.

22. *Ральчук А.Н.* Современная экономика – между пагубной самодостаточностью и согласием с универсумом // [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://library.by/files/1461767670.pdf.

23. *Ральчук А., Белов Ю.* Цивилизация XX – XXI – время кризисности и прозрений. Её смыслы и анти-смыслы. – Саарбрюккен: Издат. Дом LAP LAMBERT Academic Publishing, 2015. – 148 с.

24. *Реймерс Н.Ф.* Экология (теория, законы, правила, принципы и гипотезы). – М.: Журнал «Россия Молодая», 1994. – 367 с.

25. *Самсонов А.Л.* Человек и биосфера – проблема информационных оценок // Вопр. философии. – 2003. - №6. – С. 111–127.

26. *Спир Ф.* Большая история: энергия, энтропия и эволюция сложности / Пер. с англ. // Эволюция: Аспекты современного эволюционизма – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – С. 86–130.

27. *Стёпин В.С.* Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.

28. *Субетто А.И.* Методологические основания философии экономики и хозяйства (некоторые аспекты проблемы) // Философия хозяйства. – 2001. – №4 (16). – С. 73–89.

29. *Талеб Н.Н.* Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости / Пер. с англ. – М.: Изд-во КоЛибри, 2009. – 528 с.

30. *Хайдеггер М.* Время и бытие / Время и бытие: статьи и выступления / Пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – 447 с.

31. *Хайдеггер М.* Размышления II–VI (Черные тетради 1931–1938) / Пер. с нем. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. – 584 с.

32. *Хейлз К.Н.* Як ми стали постлюдством: Віртуальні тіла в кібернетиці, літературі та інформатиці / Пер. з англ. – Київ: Ніка-центр, 2002. – 430 с.

33. *Хюбнер Б.* Смысл в бес-СМЫСЛЕННОЕ время: метафизические расчеты, просчеты и сведение счетов / Пер. с нем. – Минск: Экономпресс, 2006. – 384 с.

34. *Чернавский Д.С.* Синергетика и информация: Динамическая теория информации. – М.: Наука, 2001. – 244 с.

35. *Шевчук В.О.* Фізична економія // Економічна енциклопедія: У трьох томах: Т. 3. – Київ: Видав. центр «Академія», 2002. – С. 792–794.

36. Экономическая теория на пороге XXI века / Под ред. Ю.М. Осипова, В.Т. Пуляева. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996. – 416 с.

37. *Bohm D.* Unfolding Meaning: A Weekend of Dialogue with David Bohm. – L.: Routledge, 1987. – 192 p.

38. *Kurzweil R.* The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology. – N.Y.: Viking, 2005. – 652 p.

39. *LaRouche L.* So, You Wish to Learn All About Economics? – N.Y.: New Benjamin Franklin House, 1984. – 192 p.
40. Nature Climate Change – V. 8, 2018. – P. 931–933. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.nature.com/articles/s41558-018-0321-8?
41. *Varela F.* The embodied mind. – Cambridge: MIT Press, 1999. – 308 p.

© А.Н. Ральчук, 2019